

*Б.А. Ершов***Церковь и светская власть русской провинции в XIX в.***B.A. Ershov***Church and Temporal Power in Russian Province in the XIXth Century**

Рассматриваются взаимоотношения церкви и местных органов власти в губерниях Центрального Черноземья в XIX в. Показано, что православная церковь всегда имела народный характер. Она стояла на страже истинного общего блага и высоких идеалов Российского государства.

Ключевые слова: церковь, епархия, государство, духовенство, проповедь.

XIX в. для всех христианских конфессий стал временем сложных испытаний, когда церкви необходимо было найти свое место в стремительно менявшемся христианском обществе, религиозно осмыслить новое время и попытаться разрешить многочисленные вопросы, связанные с отходом светского мира от церкви. А это, в свою очередь, требовало «обновления» церкви, нового взгляда на решение старых задач. Православная церковь занимала слишком важное место, чтобы остаться вне поля зрения различных общественных и политических сил в то время, когда решение громадного по значимости для будущего страны вопроса – о крепостном праве – перешло в практическую плоскость [1, с. 23]. Многовековая деятельность церкви в деле воспитания честного отношения к труду, ее призывы к милосердию и уважению людей друг к другу, проповеди о «противности» рабства христианским ценностям с возросшей силой прозвучали в преддверии и в ходе реализации крестьянской реформы. При разноречивости суждений все сходилось на том, что православная церковь – необходимая часть общества, и будущее России без нее немислимо.

Православная церковь XIX в. – это инструмент государственной политики, институт, тесно интегрированный с государственными структурами. Управление церковью осуществлялось Святейшим Синодом и духовными консисториями. Синод располагал исполнительной властью и хотя не имел законодательной инициативы, тем не менее, издавал указы, обязательные для исполнения по духовному ведомству. Его состав со временем изменялся, но в XIX – начале XX в. он включал до 10 архиереев – представителей черного духовенства, а также духовника императора и главного священника армии и флота – представи-

The article considers mutual relations between church and local authorities in provinces of the Central Chernozem region in the XIXth century. It is shown that the Orthodox Church had always national character. It was on guard of true general welfare and high ideals of the Russian state.

Key words: church, diocese, state, clergy, sermon.

телей белого духовенства. Одни члены Синода были постоянными, присутствующими по положению, например митрополит Санкт-Петербургский, духовник императора и главный священник армии и флота, другие – временными, так как участвовали в заседаниях Синода один–два раза в год по очереди. Во главе духовных консисторий стояли архиереи. Они назначались Синодом и утверждались императором. Архиерей осуществлял управление и суд в епархии вместе с духовной консисторией. Ее члены избирались архиереем из черного и белого духовенства, и с помощью благочинных – старших священников, которые назначались архиереем и утверждались консисторией. Белое духовенство было представлено в составе консисторий значительно полнее, чем в составе Синода: в 1801 г. консистории состояли на 38% из приходских священников, а в 1860-е гг. – уже на 79% [2, л. 6].

К началу правления Александра I Синод состоял из пяти представителей высшего духовенства. Этот состав был определен Екатериной II и не изменился при Павле I. 21 октября 1803 г. на должность обер-прокурора Синода был назначен А.Н. Голицын. Несмотря на слабое представление о церковной жизни в России, князь А.Н. Голицын сумел вызвать к себе «доверие и уважение» членов Синода. Синодальные архиереи не посмели сопротивляться другу юности императора. Для укрепления авторитета А.Н. Голицына в Синоде была принята новая инструкция обер-прокурору. По новой инструкции обер-прокурор должен был не только открывать, проводить и закрывать заседания Синода, оглашать присутствующим архиереям указы императора, что уже имело место в прежних инструкциях, но и лично руководить архиерейским исполнением «воли государя».

Проблема взаимодействия гражданских и церковных властей в губерниях Центрального Черноземья в XIX в. была связана с вопросами учета мнения и степени возможного вмешательства в принятие решений светскими и духовными властями в сферах взаимных интересов [3, с. 169–172]. В этом отношении основным «деловым партнером» уездной администрации со стороны церковной организации выступали благочинные приходских церквей, которые назначались по личному выбору архиереев из опытных, усердных и наиболее деятельных духовных лиц и обладали обширными правами надзора за всеми сторонами состояния церквей и духовенства своего округа [4, с. 134–138]. Как отмечалось, благочинные в уездном городе были «статусными фигурами» провинциальной жизни, входившими в число тех полутора десятков «номенклатурных» должностей, которые реально влияли на принятие решений в уезде. Хотя православие и было государственной религией, церковь сохраняла определенную независимость: формально светские власти ничего не могли приказать даже рядовому священнослужителю.

В этой ситуации благочинные (прежде всего соборный и городской) оказывались посредниками между властными и церковными структурами и были ближайшей (порой весьма грозной) властью над священнослужителями. Отчеты благочинных сельских округов в основном включали сведения о состоянии храмов, составе и деятельности духовенства и его нравственном состоянии и материальном положении, содержали данные о религиозном образовании в земских и церковно-приходских школах на территории благочиния. Изучая отчеты, консистория обращала внимание прежде всего на отмеченные недочеты и оперативно принимала меры по их устранению. На благочинных возлагался духовный надзор как за духовенством, так и за мирянами. Механизм надзора сложился в первой половине XIX в., когда важная роль в этом на уездном уровне принадлежала духовным правлениям. Они выступали активными посредниками между приходским духовенством, административной властью и вышестоящими церковными органами. В основе самой идеи во многом формального контроля за религиозной нравственностью лежала аксиома Николая I, что «лучшая теория права – добрая нравственность, и она должна быть в сердце... и иметь своим основанием религию».

Народно-православные обычаи, связанные с важнейшими христианскими праздниками, также различались не только в соседних уездах, но и волостях. В губерниях Центрального Черноземья больше всего чтились иконы Божьей Матери (по степени «уважаемости» в уезде: Казанская, Смоленская, Боголюбивая, Скорбящая, Неопалимая Купина, Знамение). С иконами совершались многочисленные крестные ходы. Одной из почитаемых икон в Курской губернии

была икона Курской Божьей Матери «Знамение». Император Александр I в ответ на прошение игумена Коренного монастыря Макария разрешил находиться данной чудотворной иконе в Коренной пустыни не две недели, а с девятой седмицы до 12 сентября – праздника Рождества Пресвятой Богородицы. Эта икона на протяжении семи веков являлась и является покровительницей и заступницей Курской земли.

В середине XIX в. (май 1852 г.) Государственный совет в Курской губернии принял решение о том, чтобы сделать дни крестного хода нерабочими. Традиция крестного хода, которая укреплялась веками, представляла собой хорошо отработанный порядок и церемониальную часть. После получения Курском статуса епархиально-административного центра (1833 г.) значение этого обряда значительно возросло. Возведенный в ранг губернского праздника, крестный ход объединял курян, сближая светских чиновников, духовенство и простой люд. Кроме того, участие в крестных ходах губернаторов и духовенства придавало этому обряду особую торжественность и значимость.

В царствование Александра II необходимость преобразования церковного строя начинают обсуждать публично. Острота проблем реформирования церковной жизни значительно усугублялась на фоне масштабного обновления государства, где вновь всплывали противоречия между духовной и светской властью. Система управления церковью после 1861 г. не претерпела каких-либо существенных изменений. Как и ранее, начиная с петровских времен, высшим органом церковного управления являлся Святейший Синод, состоявший из высших иерархов церкви, но все дела вершил возглавлявший его обер-прокурор – светское лицо, назначаемое императором и лично перед ним ответственное. Российский император официально считался и главой Русской православной церкви, что было зафиксировано в законе. Число церковных округов (епархий) с середины XIX до начала XX в. увеличилось с 55 до 67. Возрастала численность православных церквей. Если в начале XIX в. их было 25,2 тыс., а в 1860 г. – 36,2 тыс., в 1880 г. – 45,7 тыс., то в 1911 г. – 54,2 тыс. (кроме того, в том же году насчитывалось 23,6 тыс. часовен и домашних церквей). Однако медленнее возрастала численность приходского духовенства: в начале XIX в. 102 тыс. чел., в 1860 г. – 113,6 тыс.; к 1880 г. даже произошло его уменьшение – до 98,9 тыс. чел., но к 1914 г. численность приходского духовенства возросла до 112 тыс. чел. (без членов их семей) [5, с. 91].

Численность православных монастырей и монахов в России особенно возросла во второй половине XIX – начале XX в. Если в 1808 г. было 447 православных монастырей (353 мужских и 94 женских) с пятью тысячами монахов и шестью тысячами послушников, то в 1860 г. насчитывалось монастырей 447 мужских

и 136 женских с восемью тысячами монахов и монахинь и 13 тысяч послушников и послушниц [6, л. 10].

В 1864 г. был издан ряд постановлений о церковном приходе и приходском духовенстве. При приходе создавались выборные органы из прихожан, руководимые приходскими священниками. 13 февраля 1910 г. Воронежскому благочинному протоиерею Аристарху Аристову было направлено распоряжение Святейшего Синода о распределении приходов по городу Воронежу. Необходимо, чтобы каждый причт поставил в известность всех своих прихожан о принадлежности их к приходу данной церкви. Причты всех приходских церквей ввиду предстоящего причисления прихожан от одной церкви к другой должны отправлять друг другу свои приходские документы для наведения необходимых справок о новых прихожанах. Епархиальное начальство для упорядочивания приходской жизни и наибольшего общения и единения с прихожанами постановило: воспретить причтам совершать требы в домах жителей Воронежа, не имеющих никакого отношения к их храмам [7, л. 1]. Сократилось и число приходов путем объединения мелких с крупными. Вместе с тем были приняты меры к повышению материального уровня духовенства: на 67% было увеличено казенное пособие приходскому священнику, введены были небольшие пенсии священникам, вышедшим по старости «на покой» (в отставку), а также и их вдовам. Но оставшиеся не у дел церковнослужители не получили никаких пособий.

Все преобразования преследовали только одну высшую цель – сохранение основ самодержавия. Пореформенная эпоха развернула Россию навстречу требованиям противоречивого и неоднозначного нового времени. Осуществление продуманной программы преобразований совершенно меняло облик страны, положение и образ жизни всех ее жителей. Эпоха реформ рождала надежды и на церковные преобразования. В тот период православная церковь продолжала находиться под «синодальным пленением». В ожидании реформ сходились люди самых различных направлений, общим было требование свободы и гласности для церкви.

В 1867 г. было отменено деление епархий на три категории (митрополии, архиепископства и епископства): все они приравнивались к рангу митрополий. Расширились права епархиальных архиереев. Они получили право без санкции Синода возводить церкви, давать разрешение на вступление в монашество, самостоятельно решать вопросы духовного образования в пределах своей епархии. Приходское духовенство получало право избирать благочинных, стоявших во главе мелких церковных округов – благочиний, в которые входили от 10 до 15 приходов. Создавались выборные благочиннические советы, возглавляемые благочинными. Приходское духовенство для решения

местных церковных нужд получило право собираться на съезды трех уровней – благочиннические, училищные (по училищным округам) и епархиальные.

При Александре III конфессиональную политику определял назначенный еще Александром II обер-прокурор Синода профессор гражданского права К.П. Победоносцев (1827–1907). На этом посту он находился 25 лет, стал наиболее известным идеологом самодержавия. Церковь и государство в России, утверждал Победоносцев, должны находиться в неразрывной связи. Распадение ее губительно и для церкви, и для государства. В годы царствования Александра III ежегодно возводилось до 250 церквей и основывалось по 10 монастырей, на 22% увеличилась численность священнослужителей и на 30% монашествующих. В 1900 г. было уже 828 монастырей (503 мужских и 325 женских) с 18,7 тыс. монахов и 39,6 тыс. послушников, а к 1917 г. число монастырей достигло 1257 с 33,8 тыс. монахов и 73,5 тыс. послушников.

В XIX в. священнослужители различных церквей сотрудничали с местными органами власти. Так, 8 июня 1873 г. протоиерей Пятницкой церкви Воронежа Евлампий Святозаров обратился в Воронежскую городскую управу с прошением утвердить проект постройки деревянного флигеля на Дворянской улице. При этом Святозаров прилагал три листа гербовой бумаги. Воронежская городская управа постановила от 9 июня 1873 г. означенный проект утвердить и сообщить об этом в Воронежское городское управление [8, л. 1, 3].

Нередко местные органы власти вносили пожертвования на обустройство храмов. 22 мая 1892 г. харьковский губернатор сообщал воронежскому городскому главе, что на месте крушения императорского поезда близ станции Борки решено построить храм Христа Спасителя. Проект окончательно был выработан и утвержден. Иконостас был составлен в строго византийском стиле, отличался большим изяществом. Живопись для иконостаса заказана художнику профессору В.Г. Маковскому на общую сумму 26 тыс. руб. В свою очередь Воронежский городской глава направил харьковскому губернатору послание о том, что городская дума единогласно постановила послать для постановки в иконостас Храма Христа Спасителя икону воронежских святителей Митрофана и Тихона. Из Харькова пришло уведомление о том, что губернатор, желая удовлетворить религиозное чувство Воронежской городской думы, выразил благодарность [9, л. 7, 8].

Были случаи прошения местных органов власти о строительстве новых церквей. 14 марта 1821 г. жители слободы Курячевки и хутора Бондарева просили епископа Воронежского Епифания о строительстве новой каменной церкви и объясняли это следующими обстоятельствами: большинство людей не могут из-за дальности проживания хутора и слободы от близле-

жащей церкви позвать священника, чтобы покаяться и окрестить новорожденных младенцев. Церковь просят построить во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Епископ Епифаний данную церковь построить позволил.

Большой известностью в Воронежской губернии пользовалась церковь при мужской гимназии во имя святого благоверного князя Александра Невского. Сооружена эта церковь была в 1885 г. на средства городского главы, старосты Богоявленской церкви, купца II гильдии Петра Алексеевича Жалина. Одноэтажное здание гимназии было расположено в городском саду. Александро-Невская церковь, выходящая тремя громадными дверями в коридор гимназии, изнутри представляла собой высокий зал с колоннами. Она была вся белая, «спокойной» архитектуры, с окнами в сад.

Эта гимназическая церковь считалась аристократической и посещалась высшим обществом города. По воспоминаниям бывшего гимназиста М.М. Мелентьева: «Бывать в ней было приятно, здесь не было толпы, была полная тишина, служба была проста, трогательна и не длинна». Все служащие этой церкви были из числа гимназистов.

Интересным фактом можно считать то обстоятельство, что светская власть старалась сохранить обычаи, которые соблюдались на различных религиозных праздниках. Был старый обычай украшать в день святой Троицы церкви, дома и храмы молодыми березами. По мнению Министерства государственных имуществ, этот обычай «не мог не иметь дурного влияния» из-за того, что это весьма ценная древесная порода. Приказано было поручить православному духовенству объяснять прихожанам вред, который приносит лесному хозяйству истребление молодых деревьев березы. Убеждать прихожан, чтобы в день Троицы равно, как и в другие праздники, использовать цветы и кустарники, об этом объявлено 1 июня 1875 г. Воронежской духовной консисторией протоиерею Михаилу Скрябину [10, л. 26].

Православная церковь всегда имела народный характер. Она стояла на страже истинного общего блага и высоких идеалов Российского государства. В связи с этим и государство считало нужным обращаться за помощью и благословением к церкви, оказывая ей, в свою очередь, поддержку политической силой и материальными средствами. В манифесте Николая I мысль о единстве церкви и народа четко прослеживается: «...Россия не забыла Бога! Она ополчилась не за мирские выгоды; она сражается за веру христианскую и защиту единоверных своих братьев, терзаемых неистовыми врагами». С самого начала Крымской войны 1853–1856 гг. духовенство Тамбовской губернии деятельно отнеслось к работе по оказанию помощи Российской армии. В церквях края служились молебны о здравии воинов и даровании победы над врагами. Постановлением Тамбовского

губернского правления от 14 февраля 1855 г. о призыве государственного ополчения было решено просить духовную консисторию, чтобы текст манифеста был прочитан после божественной литургии при церквях для донесения этого документа до народа. По этому случаю архиепископ Николай (Доброхотов; 1841–1857 гг.) рекомендовал духовенству в своих проповедях отмечать правоту действий России и говорить пастве о войне как об испытании, посланным Богом. Священнослужители внушали прихожанам, что Крым – это наследие святого Владимира, исконно русская, православная территория, которую хотят отторгнуть от России иностранные державы. Вот как описывали «Тамбовские губернские ведомости» выступление Лебедянского ополчения: «21 июля в 8 утра под звон соборного колокола, духовенство и прихожане всех городских церквей с иконами, крестами, хоругвями, при пении клиром священных песен заполнили всю соборную площадь. Священник Христорождественской церкви Чернеевский произнес речь о даровании христорождивому воинству победы над врагом. После освящения военного знамени дружины начальнику дружины был передан гражданином М.С. Игумновым образ Казанской Божьей матери».

Помимо духовной помощи, церковь оказывала и материальную поддержку. Священники призывали прихожан жертвовать деньги и вещи на нужды ополчения, показывая тому пример. Так, в пользу раненых сестрами Знаменского Сухотинского монастыря было пожертвовано 30 рублей, позже они пожертвовали для Тамбовской дружины №177 образ Казанской Божьей матери, 40 просфор, 3 пуда пшеничного хлеба, 50 кур, 32 меры огурцов и 3 ведра вина. Монахини Кирсановского Тихвино-Богородицкого монастыря жертвовали иконы в серебряных окладах всем проходящим через уезд дружинам.

Тамбовчане, в свою очередь, не забывали земляков, в церквях и соборах до возвращения ополчения проходили молебствования за здоровье живых и за упокой погибших и умерших на войне. По окончании военных действий ополчение вернулось в губернию. Хотя тамбовское ополчение и не участвовало в боевых действиях, но дома их встречали как людей, выполнивших свой долг перед отечеством. С 5 по 14 июня 1856 г. тамбовские дружины входили в Тамбов. При вступлении в город дружины были встречены духовенством в полном облачении. В честь ратников в тамбовских церквях шли службы, после которых они проходили по площади перед домом губернатора церемониальным маршем, направляясь по своим уездам [11, с. 37]. Таким образом, можно смело сказать о том, что православная церковь принимала деятельное участие в ходе войны наряду со светской властью.

Учрежденная Петром I синодальная система церковного управления сохранялась до последних

дней царствования Николая II, хотя церковное движение, направленное на возрождение соборности и восстановление патриаршества, в начале XX в. было достаточно сильным. Оно захватило широкие круги духовенства и церковной общественности, пользовалось поддержкой большей части епископата и некоторых государственных сановников. За время правления императора Николая II число приходских церквей в России увеличилось более чем на 10 тысяч, открыто было более 250 новых монастырей. Император сам участвовал в закладке и освящении новых храмов, жертвовал на их строительство личные средства. В губерниях Центрального Черноземья были построены церкви в честь императора Николая II, в Орловской губернии – церковь Иверской иконы Божьей Матери. Храм был заложен недалеко от железнодорожного вокзала в октябре 1899 г. в память коронации императора Николая II. Главный престол освящен 13 октября 1902 г. Духовному развитию Орловской епархии способствовали приезд императора Николая II с наследником, неоднократные посещения

Орловской губернии великой княгиней Елизаветой Федоровной. Царь Николай II посетил Орел 6 мая 1904 г. В это время на Орловской кафедре служил преосвященный Кирион (Садзагелов), ставший епископом Орловским 23 апреля этого года и правивший до 3 февраля 1906 г.

Таким образом, в административном ракурсе религиозная составляющая провинциальной жизни отличалась противоречивостью. В губерниях Центрального Черноземья уездное духовенство уступало гражданским властям в адаптации и приспособлении установок церковных властей, в том числе епархиальных, к местным условиям. Оно было жестко связано каноном и иерархией и практически не обладало правом на самостоятельные решения в сфере своей компетенции. Однако в лице рядовых священников и благочинных оно имело значительный «ресурс влияния» на все социальные группы как в силу государственного статуса православия, так и за счет традиционной бытовой религиозности основной массы населения, мало подверженной веяниям времени.

Библиографический список

1. Громыко М.М. О единстве православия в церкви и в народной жизни русских // Традиции и современность. – 2002. – №1.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 796. – Оп. 205. – Д. 348.
3. Дворянов В.А. Роль провинциального православного духовенства в формировании интеллигенции в пореформенной России // Генезис, становление и деятельность интеллигенции: междисциплинарный подход. – 2000. – №5.
4. Бердинских В.А. Приходское духовенство России и развитие краеведения в XIX веке // Вопросы истории. – 1998. – №10.
5. Руновский Н. Церковно-гражданское законоположение относительно православного духовенства в царствование императора Александра II. – Казань, 1898.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 678. – Оп. 1. – Д. 1133.
7. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). – Ф. И-84. – Оп. 1. – Д. 1950.
8. ГАВО. – Ф. И-19. – Оп. 1. – Д. 506.
9. ГАВО. – Ф. И-19. – Оп. 1. – Д. 1430.
10. ГАВО. – Ф. И-84. – Оп. 1. – Д. 1938.
11. Кученкова В.А. Святыни Тамбовской епархии. – М., 1993.